

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.011-018

П. К. Пакшин*

Смежные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом: философско-правовой анализ замены критерия творчества на критерий инвестиций

Аннотация. Статья посвящена обоснованию необходимости правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, посредством смежных прав. Рассматриваются пути снижения правовых рисков создания результатов интеллектуальной деятельности с помощью технологий искусственного интеллекта, и проводится философско-правовой анализ выдвинутой гипотезы — замены творчества на инвестиции в качестве критерия охраноспособности. В соответствии с авторской концепцией философско-правовым основанием замены критерия творчества может выступать экстраполяция категории Man M. Хайдеггера на искусственный интеллект в парадигме коммуникативной теории права. Искусственный интеллект не следует наделять правосубъектностью, а критерий творчества должен быть замещен критерием инвестиций, в связи с чем правовую защиту посредством предоставления смежного права следует распространить и на созданные искусственным интеллектом результаты интеллектуальной деятельности, именуемые Man-творчеством.

Ключевые слова: искусственный интеллект; результаты интеллектуальной деятельности; интеллектуальная собственность; интеллектуальные права; нейросети; машинное обучение; промпты; философия права; философско-правовой анализ; философские основания; правовая природа; правосубъектность.

Для цитирования: Пакшин П. К. Смежные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом: философско-правовой анализ замены критерия творчества на критерий инвестиций // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 11–18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.011-018.

© Пакшин П. К., 2025

* Пакшин Павел Константинович, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
ppk-center@mail.ru

Related Rights in AI-Generated Works: A Philosophical-Legal Study on Replacing the Creativity Standard with an Investment-Based Standard

Pavel K. Pakshin, Postgraduate Student, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
ppk-center@mail.ru

Abstract. The paper substantiates the necessity of providing legal protection for the results of intellectual works created by artificial intelligence through the mechanism of related rights. It examines ways to reduce legal risks associated with the creation of intellectual property using artificial intelligence technologies and offers a philosophical and legal analysis of the proposed hypothesis, namely, replacing the creativity criterion with the investment criterion as the basis for protectability. According to the author's concept, the philosophical and legal foundation for replacing the creativity criterion may be found in the extrapolation of Martin Heidegger's category Man to artificial intelligence within the paradigm of the communicative theory of law. Artificial intelligence should not be endowed with legal personality, and the creativity criterion should be replaced by the investment criterion. Consequently, legal protection through the granting of related rights should also be extended to Al-generated results of intellectual activity, which the author refers to as Mancreativity.

Keywords: Artificial intelligence; results of intellectual activity; intellectual property; intellectual rights; neural networks; machine learning; prompts; philosophy of law; philosophical and legal analysis; philosophical foundations; legal nature; legal personality.

Cite as: Pakshin PK. Related Rights in AI-Generated Works: A Philosophical-Legal Study on Replacing the Creativity Standard with an Investment-Based Standard. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):11-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.011-018.

В настоящее время цифровые технологии всё больше проникают в жизнь каждого из нас. При этом развитие технологий искусственного интеллекта бросает вызов традиционному правопониманию и поднимает ряд нетривиальных вопросов: во-первых, является ли искусственный интеллект субъектом или объектом права; во-вторых, кто является автором результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом; в-третьих, кто будет нести ответственность за юридически значимые действия, совершенные искусственным интеллектом. Развитие технологий искусственного интеллекта оказывает влияние на общую теорию права и правовую политику, а также является предметом внимания политиков. Президент России В. В. Путин отмечает: «С внедрением искусственного интел-

лекта... человечество начинает новую главу своего существования»¹, а Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко справедливо заявляет о необходимости определить «четко, что такое искусственный интеллект»².

Чтобы ответить на вопросы, приведенные выше, используем функциональный подход и попытаемся разобраться, ведет ли себя искусственный интеллект как традиционный субъект права — человек. В целях лучшего понимания проблематики рассмотрим ситуацию, где пользователь, аналогично случаю со служебным произведением или авторским заказом, как работодатель или заказчик дает искусственно-му интеллекту как своему сотруднику или подрядчику конкретные указания по выполнению работы. Тогда творческое вмешательство человека происходит на начальном этапе работы,

¹ Путин назвал искусственный интеллект новой главой в жизни человечества // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82> (дата обращения: 21.04.2025).

² Лукашенко призвал развивать искусственный интеллект, но не забывать и о людях // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/lukashenko-prizval-razvivat-iskusstvennyy-intellekt-no-ne-zabyvat-i-o-lyudyakh.html> (дата обращения: 21.04.2025).

причем чем более подробные и точные инструкции были даны профессиональному интеллекту, тем больше вероятность признания авторства за человеком. Логичен и обратный вывод: чем меньше инструкций поступало от человека и чем больше искусственный интеллект проявлял автономность, тем выше вероятность... признания авторства за искусственным интеллектом.

Действительно, в случае с минимальным контролем человека мы оказываемся перед дилеммой: либо признать за искусственным интеллектом некоторую правосубъектность (пусть и правосубъектность *sui generis* по аналогии с юридическим лицом в теории фикции), либо счесть результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, неохраноспособными (хотя они по свойствам идентичны результатам интеллектуальной деятельности человека). В настоящее время основным риском использования технологий искусственного интеллекта при создании произведения является невозможность правовой охраны такого произведения. Кроме того, искусственный интеллект может в процессе работы нарушить интеллектуальные права иных лиц. Помимо нарушения прав интеллектуальной собственности, созданный с помощью искусственного интеллекта объект может просто не соответствовать действительности и вводить в заблуждение, а также нарушать законодательство о персональных данных. В этой связи очевидно, что существующие правовые конструкции должны быть адаптированы к новым цифровым реалиям. В. В. Перькова верно констатирует, что результаты интеллектуальной деятельности «не могут закрепляться за искусственным интеллектом из-за отсутствия у него какой-либо гражданской правосубъектности»³.

Для сравнения рассмотрим иностранный опыт. Швейцарское законодательство, например, защищает только интеллектуальные творения с индивидуальным характером (ст. 2(1) Закона об авторском праве Швейцарии). Тра-

диционно в европейских правопорядках права автора неразрывно связаны с правами личности (разд. 13 Закона Германии об авторском праве, ст. L121-1 Кодекса интеллектуальной собственности Франции, разд. 20(1) Закона Австрии об авторском праве, ст. 8 Закона Италии об авторском праве, ст. 9 Закона Швейцарии об авторском праве).

Констатируя нерешенность вышеуказанных вопросов, необходимо отметить, что выйти из порочного круга поставленной проблемы во многом не удается из-за господствующей субъектно-объектной парадигмы правовой действительности. Такая субъектно-объектная парадигма не учитывает одной существенной особенности: любой объект, помимо существования в объективной действительности как «вещь-в-себе» (*Ding an sich*), по И. Канту, существует и в виде отражения в сознании человека — феномена. Г. Гегель критиковал концепцию «вещь-в-себе» И. Канта, считая ее нелогичной и утверждая, что мысли и реальность не могут быть разделены. К. В. Патырбаева, рассматривая взгляды Г. Гегеля на субъект и объект, отмечает: «По Гегелю, подлинная реальность — это единство субъекта и объекта». Что касается правовой мысли, то существование дихотомии «объект — субъект» было также очевидно далеко не для всех правоведов: некоторые ученые, в частности Г. Шварц, считали саму идею субъекта прав неудачной и несостоятельной, предлагая вместо этого использовать категорию «правовая цель» (*Rechtszweck*), где любая сущность с юридической точки зрения является объектом юридической опеки (*Objekt der rechtlichen Fürsorge*)⁴.

Дело в том, что под понятием юриспруденции скрываются два направления. Юриспруденция как экспертная деятельность имеет дело с общественными отношениями (что роднит ее с социологией), которые подпадают под нормативно-правовое регулирование. Юриспруденция как наука вырабатывает теоретические

³ Перькова В. В. Правовые проблемы, связанные с воздействием искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности // Закон и власть. 2023. № 2. С. 47.

⁴ Привод. по: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_12.html (дата обращения: 21.04.2025).

конструкции (что сближает ее с философией), с помощью которых мы познаем правовую реальность. А. В. Ильин разделяет аналитическую юриспруденцию, особенностью которой является «упор на необходимость доказательства выдвинутых положений», где зачастую используется методология, выработанная философией, и юриспруденцию дескриптивную, предлагающую «описание накопленных юридических фактов, юридических проблем», что характерно для экспертной деятельности⁵.

Важно указать, что философия не первый раз вырабатывает концепции, которые юриспруденция в дальнейшем берет на вооружение. А. Е. Писаревский отмечает, что философия выполняет функции «экстраполяции универсалий» и «формирования теоретического обобщенного образа мира»⁶. Очевидно, что решение проблемы искусственного интеллекта также требует выработки теоретической модели для его познания в правовой реальности, что, в свою очередь, предопределяет обращение к философии.

Вместе с тем философско-правовые основания должны иметь, несомненно, практический характер. Рассматривая историю развития правовой мысли, мы видим, например, что Р. Иеринг, отрекаясь от «юриспруденции понятий» (*Begriffsjurisprudenz*), приступает к разработке «юриспруденции интересов» (*Interessenjurisprudenz*). В работе «Цель в праве» («Der Zweck im Recht») ученый стремится дать праву социологическое обоснование. В. Л. Кулапов справедливо отмечает, что «функциональный подход к исследованию государственно-правовых явлений» неразрывно связан с государством, неспособным «выполнить своего назначения без использования права, которое

оформляет, направляет и обеспечивает исполнение всякого социально значимого решения»⁷.

Очевидно, что дилемма «объект — субъект» не отвечает требованиям нашей концепции. При этом в качестве альтернативы традиционному восприятию М. Хайдеггер предлагал оперировать понятиями *Dasein* и *Man*. По мнению философа, сама по себе «категоризация бытия через призму субъекта и объекта является ошибочной, поскольку внедряет рациональное объяснение в нерациональные проявления жизненных форм». С. С. Русаков отмечает: «Хайдеггер модифицировал трансцендентальную субъективность». В формулируемом М. Хайдеггером понятии *Dasein* наблюдаются «разрушение трансценденции» и «отказ от идеи защиты автономности человека-субъекта»⁸.

В целях рассмотрения оснований применения *Dasein* и *Man* в праве обратимся к коммуникативной теории права. А. В. Поляков отмечает, что «только постклассические подходы к пониманию правовой реальности способны дать целостную картину права как “живого” социального явления». Автор определяет правовую коммуникацию как «правовое взаимодействие субъектов, которое возникает на основе социальной интерпретации правовых текстов, предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении»⁹.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что экстраполяция понятий *Dasein* и *Man* на юриспруденцию поможет познать правовую природу искусственного интеллекта и обосновать замену творчества инвестициями в качестве критерия охраноспособности. С точки зрения философии *Dasein* вопрошают о том, зачем он существует, в то время как *Man* явля-

⁵ Ильин А. В. О юридической науке и юридическом ремесле // Закон. 2024. № 9. С. 94.

⁶ См.: Писаревский А. Е. Юридическая герменевтика. Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2004.

⁷ Кулапов В. Л. Основные принципы функционального подхода при исследовании государственно-правовых явлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 43.

⁸ Русаков С. С. Ранний Хайдеггер и проблема соотношения субъекта и *Dasein* // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 145.

⁹ Цит. по: Архипов С. И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 4. С. 23.

ется механическим имитатором, не задумывающимся о своем бытии. По мнению А. Г. Дугина, искусственный интеллект и является Man. Он отмечает: «Искусственный интеллект, робот — это же Man Хайдеггера!» И. А. Иванюшкин на основании тезиса А. Г. Дугина определяет искусственный интеллект как «лишенное всякой онтологии техническое нечто»¹⁰.

Попробуем рассуждать от противного. Если мыслить категориями «субъект — объект», то получается, что раз человек совершает юридически значимые действия и искусственный интеллект способен к этому, значит, оба они функционально являются субъектами. Если же смотреть не через призму правосубъектности, а через призму Dasein- и Man-принадлежности, то истинной правосубъектностью обладает только человек. Используя категории Dasein и Man, полагаем, что понятие истинной субъектности неприменимо к профессиональному интеллекту как к Man. Искусственный интеллект является механической имитацией творчества, т.е. речь идет о Man-творчестве. Кроме того, истинное Dasein-творчество традиционно охраняется авторским правом, в то время как Man-творчество как имитация должно охраняться правом смежным.

А. В. Пушкарёв отмечает: «Искусственное, соединенное с естественным, предполагает “потенциальное бытие” в качестве предпосылки осуществления творческих смыслов и гарантов творческого бытия»¹¹. В системах профессионального интеллекта искусственное соединяется с естественным следующим образом: сама система представляет собой искусственное явление, а данные для обучения и запросы пользователя (промпт) — явления естественные. Можно сказать, что искусственный интеллект обеспечивает коммуникацию между авторами исходных данных и пользователем, формулирующим запрос. В этом случае наиболее близкой кажется аналогия с базами данных, только искусственный интеллект идет дальше, создавая новые данные на

основе изученных. Не затрагивая традиционно сложившееся представление о правосубъектности, в соответствии с нашим подходом следует заменить критерий творчества критерием инвестиций (по аналогии с инвестиционными базами данных) при создании результатов интеллектуальной деятельности.

В рамках нашей концепции необходимо выделять два вида творчества: 1) Dasein-творчество, при котором результат первоначально возникает в голове человека-творца (отражающийся в праве через критерий творчества, такой результат интеллектуальной деятельности охраняется авторским правом); 2) Man-творчество, при котором результат создается с помощью математической имитации интеллектуальной деятельности Dasein (отражающийся в праве через критерий инвестиций, такой результат интеллектуальной деятельности охраняется смежным правом). В соответствии с нашей концепцией Man-творчество, вопреки господствующей в Российской Федерации позиции, всё же должно быть охраноспособно, причем в рассматриваемой парадигме смежное право на результат Man-творчества должно принадлежать Dasein, т.е. человеку, который создал условия для получения конечного результата. Таким образом, в качестве оптимального решения de lege lata предлагается предоставление смежного права по аналогии с инвестиционными базами данных.

В подтверждение нашей концепции отметим, что работа профессионального интеллекта зависит от данных, на которых он обучается, причем источником размещения этих данных в цифровом виде является человек. Искусственный интеллект представляет собой «цифрового гонца», который, обрабатывая поток больших данных, обеспечивает коммуникацию между Dasein, однако вместе с тем, в отличие от Dasein, сам не вопрошают о своем бытии (ему неважно, для чего он существует и выполняет команды).

¹⁰ Иванюшкин И. А. Искусственный интеллект: перспективы социокультурных трансформаций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». 2019. № 4 (32). С. 15.

¹¹ См.: Пушкарёв А. В. Философские основания профессионального интеллекта : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2017.

Наша теория подтверждается и с технической точки зрения, поскольку при потреблении в целях обучения данных, созданных другим искусственным интеллектом, первый искусственный интеллект деградирует¹². Мы видим, как на качестве работы искусственного интеллекта сказывается отсутствие в коммуникативной цепочке *Dasein*, пусть даже и имплицитно. В связи с этим приходим к подтверждению нашей гипотезы, что для *Man*-творчества критерий творчества целесообразно заменить критерием инвестиций. Также отметим, что должны быть выработаны четкие правила, регулирующие использование искусственного интеллекта в коммерческих условиях для получения дохода, охватывающие вопросы о том, как можно применять результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, и как полученный доход должен быть распределен между вовлеченными сторонами¹³.

В настоящее время, когда результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, неохраноспособны, доказательство участия человека в создании результата интеллектуальной деятельности, пусть там и использовались технологии искусственного интеллекта, на практике помогает добиться охраноспособности такого результата. Так, Арбитражный суд г. Москвы в решении по делу от 30.11.2023 № А40-200471/2023 в ответ на незаконное использование ответчиком видеоролика, созданного с помощью технологии *deepfake*, признал личный творческий вклад в создание видеоролика: *deepfake* «сам по себе не свидетельствует» о том, что «videorolik доступен для свободного использования (без согласия правообладателя), или о том, что группа лиц, обеспечившая написание сценария видеоролика, видеосъемку, его аудиосо-

провождение, не внесли личный творческий вклад в создание видеоролика и не признаются его авторами». В 2023 г. Интернет-суд г. Пекина в деле *Li Yunkai v. Liu Yuanchun* признал сгенерированные искусственным интеллектом изображения результатами интеллектуальной деятельности и произведением искусства, основываясь на антропоцентрическом концепте. Верховный кассационный суд Италии также призвал определять «процент использования цифрового инструмента в отношении творческой работы»¹⁴. По нашему мнению, подобный казуальный путь должен быть трансформирован в системный подход, заключающийся в замене критерия творчества критерием инвестиций.

Что касается изобретений, то в качестве переходного положения в поиске решений *de lege lata* немецкий Федеральный патентный суд (*Bundespatentgericht*) принимает доверенное человеческое изобретательство *sui generis*: заявка по-прежнему должна формально называть изобретателем человека, однако вместе с тем может пояснить, что изобретательские действия были выполнены системой искусственного интеллекта¹⁵. Несмотря на излишнюю сложность и формальность, подход доверенного человеческого изобретательства приемлем как переходное решение до тех пор, пока патентное законодательство не будет изменено. Однако основной нерешенной проблемой в таком случае является определение изобретательского уровня: невозможно выработать четкий критерий патентоспособности без понимания того, какие требования следует предъявлять к изобретениям, созданным искусственным интеллектом, в целях отсечения малоценных изобретений.

Резюмируем: хотя вклад разработчиков имеет решающее значение для появления системы

¹² Коллапс ИИ: чем грозит самообучение на искусственных данных // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/648b13b39a794753f2305d5b> (дата обращения: 21.04.2025).

¹³ *Watiktinnakorn C., Seesai J., Kerdvibulvech C. Blurring the lines: how AI is redefining artistic ownership and copyright // Discover Artificial Intelligence.* 2023. Vol. 3. Art. Num. 37. URL: <https://doi.org/10.1007/s44163-023-00088-y> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁴ *Corte de Cassazione, Sezione I Civile [2023].*

¹⁵ European Patent Office, J 0008/20 — 3.1.01 & J 0009/20 — 3.1.01, 4.3.7 ; Federal Patent Court, 11 W (pat) 5/21, II.2.c.

искусственного интеллекта, без финансовой и организационной поддержки их усилия вряд ли могли бы привести к этому. Целесообразно поддержать предложение П. А. Каштановой, сделанное в развитие идей П. Ролинсона, Е. А. Ариевича, Д. Е. Ермолиной и В. О. Калятина, о введении в ГК РФ нового объекта смежных прав¹⁶ (по аналогии с инвестиционными базами данных, пример которых уже разбирался).

Соглашаясь с подходом А. И. Балашовой о том, что «за основу потенциального правового регулирования могут быть взяты правовые режимы объектов, не имеющих автора (наиболее подходящим является режим фонограмм), или произведений, перешедших в общественное достояние, обнародованных публикатором»¹⁷, С. А. Милюков приходит к выводу о «перспективности специального правового режима неохраняемых авторским правом сгенерированных объектов». Объекты, созданные искусственным интеллектом, он предлагает поместить «в рамки института смежных прав», выступая за установление смежных прав «лица, использующего ИИ, на оригинальные сгенерированные объекты, внешнюю форму которых создает ИИ, реализуя замысел пользователя»¹⁸. Что касается охранныспособности созданных искусственным интеллектом объектов в целом, то с нашей точкой зрения, в частности, согласна Е. В. Евтеева, которая заключает, что «нет оснований полагать, что интерес к таким объектам будет ослабевать или угасать со временем»¹⁹.

В этой связи очевидно, что исследования в данном направлении должны быть продолжены. В будущем необходимо разработать правовую основу, фокусирующуюся на доступе, использовании, в том числе совместном, личных и неличных данных для общего блага, обеспечивая при этом надлежащую защиту конфиденциальности и эффективные средства защиты людей от вреда, возникающего в результате обработки данных. Необходимо определить правовые краеугольные камни для улучшения доступа, использования, в том числе совместного, личных и неличных данных. В связи с трансграничностью передачи данных важен аспект права, применимого к системе искусственного интеллекта, использующей для обучения исходные данные из различных юрисдикций. С точки зрения международного частного права данный вопрос до сих пор также не решен.

Таким образом, экстраполируя в соответствии с нашей концепцией категорию *Man* философии М. Хайдеггера на искусственный интеллект в парадигме коммуникативной теории права, мы подтвердили свою гипотезу. Искусственный интеллект не следует наделять право-субъектностью, а критерий творчества должен быть заменен критерием инвестиций, в связи с чем правовую защиту посредством предоставления смежного права следует распространить и на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, именуемые *Man*-творчеством.

¹⁶ Каштанова П. А. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). С. 121.

¹⁷ Балашова А. И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 3 (41). С. 198.

¹⁸ Милюков С. А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта, как объекты авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1799896/> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁹ Евтеева Е. В. Охранныспособность объектов, созданных искусственным интеллектом: теоретическое обобщение // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 3 (37). С. 111.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балашова А. И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — № 3 (41). — С. 190–206.
2. Евтеева Е. В. Охранные способности объектов, созданных искусственным интеллектом: теоретическое обобщение // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 3 (37). — С. 97–111.
3. Ильин А. В. О юридической науке и юридическом ремесле // Закон. — 2024. — № 9. — С. 93–95.
4. Каштанова П. А. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — № 1 (39). — С. 120–132.
5. Кулапов В. Л. Основные принципы функционального подхода при исследовании государственно-правовых явлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2022. — № 2 (145). — С. 34–45.
6. Милюков С. А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта, как объекты авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — № 1 (47). — URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1799896/> (дата обращения: 21.04.2025).
7. Перкова В. В. Правовые проблемы, связанные с задействованием искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности // Закон и власть. — 2023. — № 2. — С. 46–49.
8. Русаков С. С. Ранний Хайдеггер и проблема соотношения субъекта и Dasein // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 2. — С. 143–151.
9. Тихонова С. В. Идейные истоки развития российской коммуникативной теории права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — № 2. — С. 25–47.
10. Watiktinnakorn C., Seesai J., Kerdvibulvech C. Blurring the lines: how AI is redefining artistic ownership and copyright // Discover Artificial Intelligence. — 2023. — Vol. 3. — Art. Num. 37. — URL: <https://doi.org/10.1007/s44163-023-00088-y>.

Материал поступил в редакцию 21 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Balashova A. I. Pravovoy rezhim rezul'tatov deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta: edinstvo i differentsiatsiya podkhodov // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2023. — № 3 (41). — S. 190–206.
2. Evteeva E. V. Okhrannospособnost' obektov, sozdannykh iskusstvennym intellektom: teoreticheskoe obobshchenie // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2022. — № 3 (37). — S. 97–111.
3. Ilin A. V. O yuridicheskoy nauke i yuridicheskom remesle // Zakon. — 2024. — № 9. — S. 93–95.
4. Kashtanova P. A. Perspektivnye pravovoye okhrany proizvedeniya, sozdavaemykh s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta v Rossii // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2023. — № 1 (39). — S. 120–132.
5. Kulapov V. L. Osnovnye printsipy funktsionalnogo podkhoda pri issledovanii gosudarstvenno-pravovykh yavleniy // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2022. — № 2 (145). — S. 34–45.
6. Milyukov S. A. Obekty, sozdannye s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta, kak obekty avtorskikh i smezhnykh prav // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2025. — № 1 (47). — URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1799896/> (data obrashcheniya: 21.04.2025).
7. Perkova V. V. Pravovye problemy, svyazannye s zadeystvovaniem iskusstvennogo intellekta v sozdaniy rezul'tatov intellektualnoy deyatel'nosti // Zakon i vlast. — 2023. — № 2. — S. 46–49.
8. Rusakov S. S. Ranniy Khaydegger i problema sootnosheniya subekta i Dasein // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. — 2024. — № 2. — S. 143–151.
9. Tikhonova S. V. Ideynyе istoki razvitiya rossiyskoy kommunikativnoy teorii prava // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2023. — № 2. — S. 25–47.
10. Watiktinnakorn C., Seesai J., Kerdvibulvech C. Blurring the lines: how AI is redefining artistic ownership and copyright // Discover Artificial Intelligence. — 2023. — Vol. 3. — Art. Num. 37. — URL: <https://doi.org/10.1007/s44163-023-00088-y>.